

じょうたろう) и других основал Японо-монгольский Фонд в Токио, который заменила Дай Тянь. В связи с этим изменилась и цель деятельности этого учреждения, которая заключалась в том, чтобы объявить районы, граничащие с Маньчжоу-го в провинциях Чахар и Суйюань Китая, т.е. чисто монгольские районы (к северу от гор Иньшань) зоной непосредственной деятельности, с тем чтобы содействовать проведению исследований в районе Монголии. В декабре того же года, чтобы способствовать развитию общества, оно было официально переименовано в Ассоциация Шан Рин [1, с. 11].

12 января 1934 года министерство внутренних дел Японии официально утвердило его в качестве фонда юридических лиц. В декабре того же года Ассоциация Шан Рин учредила в Синькине (ныне Чанчунь, Китай) монгольскую Ассоциацию Шан Рин, которая развернула "работу по Внутренней Монголии" на базе Маньчжоу-го. Кроме того, во Внутренней Монголии были созданы специальные отделения, которые образовали Абага и Барунсунт группы [1, с.253]. Все группы были укомплектованы учителями, врачами, ветеринарами, переводчиками с китайского и монгольского языков, которые работали в районах Бэйцзымяо Буддийский храм и Барунсунт для открытия клиник, выездных медицинских классов, ветеринарных отделений, начальных школ и т.д. Однако под видом сотрудников Ассоциация Шан Рин работали и агенты Квантунской армии для проведения разведывательных операций. В Токио были созданы Министерство монгольских студентов, Департамент по вопросам благого соседства, а также специализированная школа по вопросам благого соседства, отвечающая за жизнь монгольских студентов, проживающих в Японии, и их трудоустройство [1, с. 2].

Заключение. Таким образом, функции Шан Рин радикально изменились, и хотя она провозглашалась под лозунгом "гуманного поощрения гармонии и дружбы между народами соседних стран и содействия развитию культуры", вместо того, чтобы быть просто образовательной организацией, она превратилась в организацию, реализующую специфическую тактику ведения войны, можно даже сказать, что учебное заведение являлось только прикрытием, а ее главная задача заключалась в том, чтобы помочь Квантунской армии Японии получить разведывательные задания для беспрепятственного проведения Мань-монгольской политики.

1. Ассоциация Шан Рин. История Ассоциация Шан Рин: культурная деятельность во Внутренней Монголии. Ассоциация монголов Японии. 1981. – 421с. (на яп. яз.)

2. Дали Цзабу. Очерк монгольской истории. Издательство Центрального университета национальностей, 2006 г. – 487с. (на кит. яз.).

3. Материалы в Национальная общественная библиотека Японии. URI : <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F2006092116311225799&ID=M2006092116311525869&REFCODE=B05015402900> (дата обращения 28.10.2023) (на яп. яз.).

4. Байлдогци. Некоторые вопросы исследования национального движения во Внутренней Монголии в новое время // Социальные науки во Внутренней Монголии. – 1997. – № 6. – 336 с. (на кит. яз.).

5. Пэй Хуан И. Об эволюции "континентальной политики" Японии // Мемориальная серия "Война китайского народа за сопротивление японской агрессии. – 1995. – №5. – С. 256–278. (на кит. яз.).

ОБРАЗ ВНЕШНЕГО ВРАГА НА СТРАНИЦАХ ПСКОВСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX в.

Гарчу Н.,

*молодой ученый ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Алиева Л.В., канд. ист. наук, доцент*

Ключевые слова. Образ врага, Псковская епархия, Псковские епархиальные ведомости, Русско-японская война, Первая мировая война, духовенство.

Key words. Enemy image, Pskov eparchy, Pskov eparchy gazette, Russian-Japanese War, First World War, dissenters.

Взаимодействие государств и народов неизбежно ведет к формированию представлений друг о друге [1, с. 61]. В контексте истории насыщенного войнами XX в. важнейшее

место в процессе взаимовосприятия разных народов приобретает понимание механизма превращения «образа чужого» в «образ врага». Изучением исторической имагологии занимались А.В. Сенявский [1], Е.С. Сенявская [2].

Целью исследования является выявление характерных черт в образе внешнего врага России, которые отразились в Псковских епархиальных ведомостях в начале XX в.

Материал и методы. Материалом исследования являются Псковские епархиальные ведомости – официальное периодическое издание Псковской епархии, освещающее главные потрясения начала XX в. с позиции Русской православной церкви как одного из главных социальных институтов, оказавшем влияние на формирование государственной пропаганды. Методологической основой настоящего исследования являются описательный метод с соблюдением принципов объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Рассматривая процесс пропаганды «образа врага» в Российской империи в начале XX в., необходимо выделить основных «противников», по отношению к которым формировались в сознании русских эти представления. На первом месте в отечественной пропаганде стояла Германская империя, затем Австро-Венгрия и Османская империя [2, с. 167]. Но и умалить влияние Японии на историю политической коммуникации в России нельзя.

Период участия России в Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1917 гг.) войнах стал значимым временем для церковной, в том числе епархиальной, периодической печати. С одной стороны, с самого начала боевых действий она наравне со светской периодикой была встроена в систему военной пропаганды, активно участвовала в формировании образа противника как антихристианского врага [3, с. 35].

Примечательны сообщения в «Псковских епархиальных ведомостях» не только как источник свидетельствующий об отношении церкви и государства в период войны, но и как единственный доступный для читателя и «особенно сельского духовенства, ...которые по неудобству и сложности» не могут регулярно получать почту, а потому краткие заметки в ведомостях становятся единственным доступным источником информации для современников – именно так объясняет редактор появление в разделе «Известия и заметки» неофициальной части «Псковских епархиальных ведомостей» кратких сообщений о ходе военных событий в Японии [4, с. 310].

В первой же заметке изложены причины разрыва дипломатических отношений, которые в иностранной печати были «умышленно извращены и подтасованы». Японское правительство характеризуется как действующее по «азиатскому образу действий», с которым столкнулся «горячий протест всех цивилизованных народов», развязанная японцами война называется «вероломной и разбойнической». Сравнение цивилизованных народов и японцев, как культурно отстаивающих диких азиатов, нередко встречается в отечественной печати в начале XX в. [4, с. 310–317].

Образ японцев по материалам «Псковским епархиальным ведомостям» полон оценочных суждений: японская армия «близорука и может судить только о том, что находится непосредственно под его носом» [5, с. 375], «вероломный враг», «в крови каждого японца живет Макиавелли» [6, с. 478–479] (в контексте патриотизма японцев, которые «ради блага отечества считают дозволенным все»). Отдельного внимания заслуживают замечания о многочисленных самоубийствах, совершенных из чувства преданности отечеству [6, с. 479].

С развитием войны увеличивается и интерес к японской культуре [6, с. 447]. Японцы представлены как язычники, «коварно напавшие на нее – защитницу Святого Креста» (имеется в виду Российская империя) [6, с. 481].

Кроме патриотических заметок о подвигах на фронте, нередко публикации о сборе денег для нужд фронта, но подобные объявления обретут наибольший масштаб уже в 1914 г.

Во время Первой мировой войны участие Церкви в помощи нуждающимся было велико [7, с. 110], встречаются многочисленные призывы поучаствовать в сборе пожертвований.

В «Псковских епархиальных ведомостях» были опубликованы сведения с театра военных действий, освещались и подвиги духовенства, участвующего в войне. Нередки сообщения о священниках-героях, которые воодушевляют солдат на атаку [11, с. 175],

интересна заметка о геройской смерти старца-пастыря, пожертвовавшего собой после нападения турков в Севастополе на крейсер «Прутъ» [10, с. 759].

Периодическая печать предлагает исследователю немало эпитетов, описывающих турок и немцев [9, с. 646]. Строгой оценке были подвергнуты не только отдельные народы, но и вся Европа [10, с. 752]. Но воодушевление и патриотический подъем после 1915 г. идет на спад, а в феврале 1917 г. появляется в печати статья, обличающая мародерство, «духовную мертвенность» и отсутствие единоклассия в народе [12, с. 56].

Заключение. Проанализированные источники позволяют предположить, что Псковская епархия оказывала идеологическую поддержку, стремилась проповедовать пастве патриотический дух, активно выполняла социальные функции.

1. Сенявский, А.В. Историческая имагология и проблема формирования «Образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2006. – № 2(6). – С. 54–72.
2. Сенявская, Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.
3. Игумен Виталий (Уткин). Церковно-политические идеи епархиальной печати в канун Февральской революции 1917 года (по материалам «Тульских епархиальных ведомостей») // Духовный арсенал. – 2021. – № 1(3). – С. 34–39.
4. Псковские епархиальные ведомости. – 1904. – № 6.
5. Псковские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7.
6. Псковские епархиальные ведомости. – 1904. – № 10.
7. Попова, О.В. Православная церковь Псковской губернии в годы Первой мировой войны // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2004. – № 21. – С. 108–120.
8. Псковские епархиальные ведомости. – 1914. – № 14–15.
9. Псковские епархиальные ведомости. – 1914. – № 20.
10. Псковские епархиальные ведомости. – 1914. – № 23.
11. Псковские епархиальные ведомости. – 1916. – № 6.
12. Псковские епархиальные ведомости. – 1917. – № 2–3.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ МОЛОДЕЖИ

Голубев В.А.,

аспирант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Кузнецова Е.В., канд. филос. наук, доцент

Ключевые слова. Виртуальная среда, молодежь, цифровая реальность, манипулирование, стереотип

Key words. Virtual reality, youth, digital reality, manipulation, stereotype.

Молодежь – особая социально-демографическая группа. К ней мы относим людей в возрасте от 14 до 31 года [1]. Данная социальная группа выделяется не только по возрастным параметрам. Также можно отметить, что для нее характерны своя система ценностей, убеждений, в большинстве своем неустойчивое мировоззрение и стремительно меняющиеся социальные роли, и статусы. Тем не менее, данная группа наиболее активна в социальном плане.

Актуальность обуславливается тем, что развитию и формированию молодежи со стороны общества и государства уделяется большое внимание, что можно объяснить тем, что молодежь – де-факто будущее любого общества. Тем не менее, существуют и свои риски, которым данная демографическая группа подвергается. И, очень многие из этих рисков находятся в цифровой реальности.

Цель исследования – выявить основные способы воздействия и манипуляции цифровой реальности на сознание подрастающего поколения.

Материал и методы: при написании работы использовались исследования отечественных и зарубежных психологов и специалистов в области нейромаркетинга; были применены общелогический метод и методы синтеза, анализа.

Результаты и их обсуждение. Цифровая реальность – это особый феномен, возникший в конце XX – начале XXI вв. Под ним можно понимать особую среду, или реальность, которая создается современными технологиями. Например, к ней можно отнести